

МИРА ЛИНЧ

СЫН
подруги

ОШИБКА, КОТОРУЮ
НЕЛЬЗЯ ИСПРАВИТЬ

Мира Линч

**Сын подруги. Ошибка,
которую нельзя исправить**

«Литнет»

2026

Линч М.

Сын подруги. Ошибка, которую нельзя исправить / М. Линч —
«Литнет», 2026

Ей сорок два. Она привыкла быть опорой для всех: для дочери, для бывшего мужа, который так и не стал чужим, и для лучшей подруги Ирины, с которой они прошли огонь и воду. Её жизнь — это череда компромиссов и тихого героизма, о котором никто не знает. Анна давно похоронила себя как женщину, оставив только функции: мать, подруга, надёжный тыл. Ему двадцать пять. Он — сын её лучшей подруги. Кирилл всегда был для неё просто «мальчиком», чьи пелёнки она меняла, а теперь — успешным, дерзким и пугающе взрослым мужчиной, который смотрит на неё так, что у неё внутри всё переворачивается. Он не делает резких движений, но каждое его слово, каждый случайный жест стирают границы, которые она выстраивала двадцать лет. Это не история о страсти, которая вспыхивает мгновенно. Это история о медленном яде, просачивающемся в кровь. О том, как трудно ненавидеть себя за счастье и как легко разрушить всё, что было свято, ради одного прикосновения. Когда Ирина просит Анну «присмотреть» за сыном, пока она в отъезде, она не знает, что запускает механизм, который уничтожит их дружбу. Сможет ли Анна выбрать между многолетним долгом и любовью, от которой у неё кружится голова? И готова ли она заплатить цену, которую требует это чувство?

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Она	5
Глава 2. Ужин втроём	8
Глава 3. Тишина	11
Глава 4. Материнский запрос	15
Глава 5. Осколки	18
Глава 6. Чужой беды не бывает	22
Глава 7. Выбор	26
Глава 8. Предел	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Она

Глава 1. Она

Дождь барабанил по стеклу веранды так настойчиво, будто требовал ответа. Анна стояла у окна, сжимая в пальцах остывшую чашку чая, и смотрела, как капли разбиваются о раскалённый асфальт. Лето в этом городе всегда было жестоким — сначала пекло, потом вдруг ливень, и этот контраст выбивал из колеи сильнее, чем любой моральный выбор.

Она думала о том, что завтра Варвара уезжает в лагерь, и в доме станет совсем тихо. Артём звонил вчера — спрашивал, не нужно ли помочь с машиной. Его голос был ровным, привычным, как шум старого холодильника. Она ответила: «Нет, спасибо». И в этом «нет» было больше жизни, чем во всех разговорах за последние два года их развода.

Анна провела ладонью по лбу — кожа была горячей. Она плохо спала последние недели. Ей казалось, что в сорок два года организм и психика решили взять тайм-аут, оставив её наедине с бесконечной рефлексией. Каждое утро начиналось с одного и того же: подъём, кофе, проверка заказов для кондитерской, звонки, дела, улыбки клиентам, а вечером — тишина и чувство, что она живёт чужую жизнь.

Она хорошо помнила тот момент, когда поняла, что устала быть взрослой. Это случилось в прошлом году, на дне рождения Ирины. Все смеялись, танцевали, муж Ирины, Николай, произносил тосты, а Анна сидела в углу с бокалом шампанского и смотрела на огни гирлянды. Внутри была огромная, глухая пустота. Тогда она подумала: «Боже, я же никому не нужна как женщина. Я нужна как подруга, как мать, как хозяйка, но не как *она*».

Она отогнала это воспоминание, потому что сейчас не время для самокопания. Сегодня приедет Ирина.

Ирина всегда приезжала шумно, с сумками, с новостями, с запахом дорогих духов и жизненной энергии, которой можно было зарядить целый квартал. Они дружили двадцать три года. Через всё: свадьбы, разводы, рождение детей, смерть родителей Анны. Ирина была той самой «подругой на всю жизнь», которую рисуют в женских романах. Они знали друг о друге всё.

Почти всё.

Анна пошла на кухню, чтобы проверить, как доходит тесто. Она пекла собственный яблочный пирог с корицей — фирменный рецепт, который Ирина обожала. Пальцы двигались механически, пока мысли бродили где-то в другом месте. Она услышала сигнал домофона раньше, чем ожидала.

— Аннушка, открывай! Мы приехали! — голос Ирины звенел в динамике, весёлый и чуть хриплый от смеха. — Я с сюрпризом.

Анна нажала кнопку открытия двери, вытерла руки о фартук и замерла. Сердце вдруг сделало странный кульбит. Она не знала, что за «сюрприз», но в горле пересохло. Она поправила волосы, одернула кофту — простую, льняную, свободную. Зачем? Она не красилась сегодня. Она вообще редко красилась.

Она открыла входную дверь, и в подъезд влетела Ирина — яркая, как пожарная машина, с огромным букетом гортензий. А за её спиной...

Анна опешила.

Сначала она увидела только плечи — широкие, уверенные, обтянутые тёмно-синей рубашкой. Потом лицо. Молодое, острое, с чуть дерзкими глазами, которые смотрели на неё с такой настойчивостью, что Анна на секунду забыла, как дышать.

— Привет, тётъ Ань, — сказал Кирилл, улыбнувшись одними уголками губ.

Голос. Голос изменился. Стал низким, бархатным, таким, от которого внутри всё сжимается. Она смотрела на него и не могла поверить, что это тот самый мальчишка, который в

десять лет бегал за ней с просьбой нарисовать паровоз. Который на её свадьбе с Артёмом был смешным шестилетним женихом с соской во рту.

Теперь перед ней стоял мужчина.

Высокий, поджарый, с тёмными волосами, небрежно зачёсанными назад, с лёгкой щетиной на скулах. И в его взгляде не было той детской теплоты, которая была раньше. Там было что-то другое. Что-то, от чего у Анны сбился ритм.

— Заходите, — выдавила она, делая шаг назад и пряча руки в карманы джинсов, чтобы не видно было дрожи. — Я как раз чайник поставила.

Ирина прошла вперёд, обняла её, звонко чмокнула в щёку и вручила гортензии.

— А ты молодец, похорошела, — Ирина окинула её быстрым взглядом. — Отдыхала, что ли? Хотя нет, я же знаю твой кондитерский ад. Ты вообще спишь?

— Сплю, — соврала Анна, уткнувшись носом в цветы, чтобы не смотреть, как Кирилл проходит в гостиную и останавливается у книжного шкафа, разглядывая корешки.

Ирина прошла на кухню, расставляя принесённые пакеты, и почти сразу затараторила про общих знакомых, про нового директора в школе, куда ходила Варвара, про то, как её Николай в очередной раз купил ненужный сварочный аппарат. Обычный шум, привычный фон, который всегда успокаивал Анну.

Но сегодня фон не работал.

Анна нарезала яблоки для пирога, но руки её дрожали. Она краем глаза следила за Кириллом. Он стоял к ней спиной, но она чувствовала его присутствие кожей. Как странно. Она никогда не чувствовала этого раньше. Он был мальчиком. Сыном подруги.

Почему сейчас всё иначе?

— Кирилл, — позвала Ирина, — иди сюда, помогай. Анна сейчас таких слоёв наворотит...

Он обернулся.

Анна замерла с ножом в руке. Он смотрел на неё в упор, и в этом взгляде не было ни капли смущения или почтительности. Это был взгляд взрослого мужчины, который видит женщину и даёт ей это понять.

— Что-то я не припомню, чтобы ты пекла, — сказал Кирилл, приближаясь и опираясь плечом о дверной косяк кухни. — В детстве ты кормила меня только «Сникерсами».

Он усмехнулся, и Анна почувствовала, как тепло разливается по щекам.

— Ты взрослеешь, и вкусы меняются, — ответила она, стараясь придать голосу лёгкость, но он прозвучал хрипло. — Теперь я поощряю исключительно полезные углеводы.

Ирина засмеялась, гремя посудой, а Кирилл продолжал смотреть на Анну. Так, будто она была не просто подругой его матери, а задачей, которую он хотел разгадать.

— Ну, тогда я попробую, — сказал он спокойно. — Как-нибудь на днях.

Анна открыла было рот, чтобы ответить что-то колкое, но слова застряли в горле. Ирина повернулась к нему:

— Мы же в пятницу к озеру собрались! Анна, ты едешь с нами? Давай, я договорюсь с Николаем, чтобы он шашлыки захватил. Мы так редко отдыхаем все вместе.

Анна хотела отказаться. Хотела сказать, что у неё заказы, что Варвара в лагере, что она устала. Но Кирилл всё ещё стоял в дверях и смотрел на неё.

— Приезжай, — сказал он тихо, почти невесомо, но это слово повисло между ними, тяжёлое и липкое, как карамель.

Анна взяла нож и провела лезвием по коже яблока. Она не подняла головы.

— Хорошо, — сказала она, не узнавая свой голос. — Приеду.

Внутри неё всё кричало: «Нет, нет, нет». Но губы предали её. Как и руки, которые никак не могли справиться с яблоком.

Ирина что-то говорила про мангал, про то, как хорошо будет, про погоду, которая обещает быть тёплой. Анна кивала, но не слышала ни слова.

Она слышала только, как дышит Кирилл за её спиной. И чувствовала, что в этот самый момент, стоя на её кухне, он смотрит на её руки, на её шею, на то, как она кусает губу, сосредоточившись.

Она — женщина, которая боится счастья. Он — мужчина, который не боится ничего.

Этот вечер должен был быть просто встречей старых друзей. Но уже через час, когда Ирина уехала за хлебом, а Кирилл задержался (якобы помочь вынести мусор), они остались вдвоём у открытого окна. И в тишине, которая повисла между ними, Анна поняла: всё, что она знала о себе, перестало быть правдой.

Она подошла к нему слишком близко, чтобы закрыть окно от дождя, и вдруг почувствовала его руку на своём локте. Лёгкое, мимолётное касание, когда он хотел отдать ей зонт Ирины.

— Тебе идёт этот цвет, — сказал он, кивнув на её кофту.

— Кирилл... — начала она.

— Я знаю, — перебил он. И улыбнулся. — Ты скажешь, что я маленький. Но я давно уже вырос.

Он вышел, а она осталась стоять у окна, сжимая зонт в руках, и смотрела, как мокрый асфальт блестит в свете фонарей. И дождь всё так же настойчиво барабанил по стеклу.

Она проиграла эту битву ещё до того, как она началась. Она это знала. Она знала это с той самой секунды, как увидела его в дверях.

Только вот теперь начиналась война. И она будет вести её сама с собой.

Глава 2. Ужин втроём

Глава 2. Ужин втроём.

Она стояла у окна так долго, что дождь успел закончиться. Небо над городом прояснилось, и в разрывах туч показались робкие, почти осенние звёзды. Анна всё ещё сжимала зонт Ирины — мокрый, тяжёлый, совершенно бесполезный в её руках. Она заставила себя опустить его, повесить на крючок в прихожей и вернуться на кухню.

Пирог подгорел.

Она вытащила форму из духовки слишком поздно: края стали тёмно-коричневыми, почти чёрными, хотя середина ещё была сырой. Анна смотрела на эту кулинарную катастрофу и чувствовала, как к горлу подступает глупый, истеричный смех. Двадцать лет она пекла идеальные коржи, а сегодня, когда это было особенно важно, у неё всё пошло прахом.

«Потому что ты отвлеклась», — сказал внутренний голос. — «Потому что ты смотрела на него, а не на пирог».

Она скинула пригоревшую корочку в мусорное ведро, вымыла форму и решила подать к чаю просто печенье из запасов. Ничего особенного. Она уже не пыталась произвести впечатление. Она хотела, чтобы Кирилл ушёл, забыл этот вечер и оставил её в покое.

Но он не ушёл.

Когда Ирина вернулась из магазина, нагруженная пакетами, Кирилл стоял у подъезда и курил. Анна видела это в окно: его силуэт на фоне мокрого асфальта, движущийся огонёк сигареты, его медленные, спокойные движения. Он не торопился. Он ждал. И это ожидание было красноречивее любых слов.

— Ну что, — объявила Ирина, влетая в квартиру с мороженым и бутылкой красного вина, — я решила: мы никуда не идём, сидим у тебя. Я заказала роллы в том японском месте, ты же любишь. А Кирилл сейчас поднимется, и мы отлично поужинаем, как в старые времена.

Анна открыла было рот, чтобы сказать: «Я устала», «Голова болит», «Варвара звонила». Но в этот момент в дверь вошёл Кирилл, и все слова растворились.

Он снял лёгкую ветровку и остался в той самой тёмно-синей рубашке, расстёгнутой на две верхние пуговицы. На его запястье блеснули дорогие часы, которых Анна раньше не видела. Волосы были чуть влажными — дождь всё-таки застал его, пока он ждал. Он провёл рукой по затылку, и этот жест был таким взрослым, таким мужским, что у Анны перехватило дыхание.

«Ему всего двадцать пять», — напомнила она себе. — «Ты помнишь его в памперсах».

Но память отказывалась услужить. Она смотрела на него и не видела того мальчика. Она видела чужого человека. Опасного. Притягательного.

— Я помогу накрыть на стол, — сказал Кирилл и направился на кухню, даже не спросив разрешения.

Он двигался по её дому так, будто знал здесь каждую щель. Прошёл мимо неё, и Анна почувствовала запах его парфюма — древесный, с нотками табака и цитруса. Она задержала дыхание, боясь, что этот аромат останется в лёгких.

Ирина уже суетилась у стола, расставляя тарелки, и в её привычной суете было что-то спасительное. Анна ухватила за эту суету, как за спасательный круг. Она резала лимон для чая, но пальцы её предательски дрожали.

— Ты сегодня какая-то нервная, — заметила Ирина, взглянув на неё с любопытством. — Случилось что-то?

— Ничего, — слишком быстро ответила Анна. — Просто заказов много. И Варька уезжает завтра. Переживаю.

Ирина понимающе кивнула: она знала, как Анна привязана к дочери. Но Кирилл, стоявший у окна с бокалом воды, усмехнулся — едва слышно, почти беззвучно. Анна увидела это в отражении стекла. Его глаза смеялись. Он знал, что она врёт. И этот его «я знаю» действовал ей на нервы сильнее, чем любой прямой упрёк.

Когда они сели за стол, Анна постаралась занять место напротив Ирины, чтобы Кирилл оказался сбоку, в поле периферийного зрения. Ей казалось, что если она не будет смотреть на него прямо, то сможет контролировать ситуацию.

Она ошибалась.

Она чувствовала его взгляд на себе. Он не сверлил её открыто, нет. Он был мягким, почти невесомым — как прикосновение пера. Каждый раз, когда Анна поднимала глаза, он уже смотрел в другую сторону: на вино в бокале, на окно, на руки матери. Но в те короткие мгновения, когда их взгляды встречались, Анна видела в его глазах что-то такое, от чего внутри разгорался пожар.

Ирина пила вино и болтала без умолку. Она рассказывала о том, как Николай чуть не спалил кухню, пытаясь пожарить стейк, как её клиенты на риелторском рынке в этом году были просто невыносимы, как она хочет съездить в Турцию, но муж считает, что там слишком жарко. Её голос был привычным шумом, который всегда успокаивал Анну, но сегодня он только усиливал тревогу.

Кирилл слушал мать с полуулыбкой. Он знал эти истории наизусть, но не перебивал, не поправлял, просто сидел и слушал. И в этой его невозмутимости было что-то взрослое, что-то, что заставляло Анну забывать о разнице в возрасте.

— Ну а ты, Аннушка, — Ирина внезапно переключила внимание, — как дела на личном фронте? Артём не звонил?

Анна поперхнулась чаем.

— Ирина, ну зачем ты при сыне такие вопросы задаёшь? — она попыталась перевести всё в шутку, но голос дрогнул.

— А что такого? Кирилл уже взрослый, он должен знать, что женщины — сложные существа, — Ирина засмеялась и подмигнула сыну. — Хотя у тебя сейчас тоже период... Ты, кстати, так и не рассказал мне подробно про ту Марину.

— Ничего рассказывать, — спокойно ответил Кирилл, не отрывая глаз от тарелки. — Она была милой, но скучной.

Анна почувствовала, как его взгляд скользнул по ней, когда он произнёс слово «скучной». Это был почти вызов. Он говорил о другой женщине, но смотрел на неё.

«Он дразнит меня», — поняла Анна. — «Он проверяет, как яотреагирую».

Она взяла палочки для суши, чтобы чем-то занять руки, и сосредоточилась на роллах. Но вкус еды исчез. Она чувствовала только горечь вина, оставшуюся на языке, и запах Кирилла, доносившийся с другой стороны стола.

— А ты часто бываешь в городе? — спросила она, стараясь придать голосу безразличие. — Ирина говорила, что ты в командировках всё время.

— Достаточно часто, — ответил Кирилл. — Но мне здесь нравится. Тихо. Уютно. Особенно когда есть ради кого возвращаться.

Ирина не обратила внимания на последнюю фразу — она увлечённо смахивала крошки со скатерти. А Анна почувствовала, как краснеет. Она возненавидела себя за эту детскую, неуместную реакцию. Сорок два года, мать взрослой дочери, хозяйка бизнеса — и она краснеет от намёка двадцатипятилетнего парня.

«Прекрати», — приказала она себе. — «Ты всё придумываешь. Он просто вежливый. Он просто... сын твоей подруги».

— А какие у тебя планы на выходные? — внезапно спросил Кирилл, и Анна поняла, что вопрос адресован именно ей.

— Планы? — она растерянно моргнула. — Я... Варвара уезжает. Я хотела разобрать кладовку. И может быть, поехать на рынок за ягодами для заготовок.

— Разобрать кладовку, — повторил он с лёгкой улыбкой. — Звучит как приговор.

Ирина засмеялась:

— Ну да, наша Анна всегда была домоседкой. У неё же кондитерская, она вечно занята. Её даже на море не вытащить.

— Может быть, потому что её никто правильно не приглашает, — сказал Кирилл и посмотрел на Анну так прямо, так открыто, что у неё перехватило дыхание.

На секунду ей показалось, что сейчас произойдёт что-то непоправимое. Что он скажет что-то вслух, при матери, и этот хрупкий мир рухнет.

Но он взял свою вилку, поддел кусочек суши и спокойно отправил его в рот, как будто ничего не случилось.

Анна выдохнула. Но напряжение не ушло. Оно поселилось где-то в груди, в районе солнечного сплетения, и теперь пульсировало с каждым ударом сердца.

Ужин продолжался ещё час. Ирина переключилась на обсуждение того, как Кирилл давно не навещал бабушку в соседнем городе, и Кирилл обещал исправиться. Анна вставляла реплики, когда это было необходимо, улыбалась в нужных местах, но всё это было механическим. Она существовала одновременно в двух мирах: один — где она сидит на своей кухне с лучшей подругой и её сыном, и другой — где она чувствует на себе его взгляд и не может дышать.

Когда Ирина наконец решила собираться, Анна испытала облегчение, смешанное с глухим сожалением. Она помогла подружке запаковать оставшиеся роллы в контейнер, подала ей пальто и уже почти попрощалась, когда Кирилл задержался в дверях.

— Тётъ Ань, — сказал он, используя это обращение, но в голосе его не было ни капли той детской интонации. — Можно я завтра заеду за рецептом того пирога? Мама говорит, ты обещала ей научить её печь.

Анна посмотрела на Ирину. Та кивнула:

— Да, он у нас теперь главный пекарь в доме. Всё кексы пытается печь, а они у него каменные. Может, ты ему объяснишь, где он ошибку делает?

У Анны не было причин отказываться. Это была обычная, безобидная просьба. И всё же она знала, чувствовала нутром: это западня.

— Хорошо, — выдавила она. — Приезжай. Я буду дома после обеда.

— Я приеду, — пообещал Кирилл. И улыбнулся.

Эта улыбка была мягкой, почти ласковой, но в ней таилась опасность. Анна захлопнула дверь и прислонилась к ней лбом, слушая, как затихают в подъезде шаги.

В квартире пахло вином, мокрой одеждой и его парфюмом. Она прошла на кухню и увидела на столе его бокал, на котором остался след от губ. Её пальцы коснулись стекла, и она быстро отдернула руку, как от огня.

«Что ты делаешь?» — спросила она себя. — «Ты же не идиотка. Ты видишь, что происходит».

Но ответа не было. Была только пустота в груди, которую он сумел заполнить одним своим присутствием.

Она выключила свет на кухне, прошла в спальню, легла на кровать и долго смотрела в потолок, слушая, как бьётся сердце.

Ей было страшно. И одновременно — она не помнила, когда последний раз чувствовала себя такой живой.

Глава 3. Тишина

Глава 3. Тишина

Она не спала почти всю ночь. Ворочалась, сбивала одеяло, вставала пить воду, смотрела в темноту за окном и слышала, как в соседней комнате вздыхает во сне Варвара. Мысли были липкими, назойливыми, как паутина. Она прокручивала вечер снова и снова: каждое движение Кирилла, каждое его слово, каждую случайную улыбку. И каждый раз её внутренний голос приговаривал одно и то же: *«Остановись. Ты ещё можешь остановиться»*.

Но утром, когда солнце залило кухню жёлтым светом, а Варвара, собрав рюкзак, уехала с одноклассниками на автобусе в лагерь, Анна поняла — останавливаться уже поздно. Она не хотела останавливаться. Она хотела, чтобы он пришёл.

Эта мысль была настолько откровенной, настолько *грязной* в её собственной голове, что она прикусила губу до крови, стоя у зеркала в ванной. Она смотрела на своё отражение — на бледную кожу, на круги под глазами, на седые волосы, которые пора бы уже закрасить, но всё некогда. Она видела женщину, которая устала быть правильной. Женщину, которая хочет, чтобы её коснулись.

— Ты сошла с ума, — прошептала она своему отражению. — Ты просто сошла с ума.

Она надела джинсы и простую белую футболку — самый невинный наряд, который можно было найти. Никакого декольте. Никакой косметики, кроме блеска для губ. Она хотела выглядеть так, чтобы он не заметил её. Чтобы он пришёл за рецептом, взял его и ушёл.

Самообман, — усмехнулся внутренний голос. — *Ты специально оставила волосы распущенными. Ты знаешь, что они тебе идут.*

Домофон зазвонил в три часа дня.

Анна вздрогнула так сильно, что пролила кофе на стол. Она вытерла лужу тряпкой, поправила футболку и нажала кнопку открытия двери.

— Поднимайся, — сказала она в трубку, и голос её прозвучал слишком высоко, слишком нервно.

Она открыла входную дверь и замерла, глядя, как он поднимается по лестнице. Он был без ветровки — просто футболка тёмно-серого цвета, джинсы, кеды. Волосы чуть растрёпаны — то ли от ветра, то ли он специально провёл по ним рукой, чтобы выглядеть небрежным. В руках он держал небольшой бумажный пакет.

— Привет, — сказал он, останавливаясь на площадке.

— Привет, — ответила она, и это слово повисло между ними, слишком интимное для такого простого момента.

Он вошёл в прихожую, и она снова почувствовала его запах. Днём он был другим — более лёгким, с нотками зелёного чая и ещё чего-то свежего. Она сделала шаг назад, чтобы пропустить его в квартиру, и он скользнул мимо, на секунду задев плечом её руку.

«Случайно, — сказала она себе. — Просто случайно».

— Это тебе, — он протянул ей пакет. — Моя мама сказала, что ты любишь безе из «Северной кондитерской». Они там на Невском, я проезжал мимо.

Анна взяла пакет и заглянула внутрь. Там лежала коробка с белоснежным безе, украшенным шоколадной крошкой. Её любимое. Она говорила об этом Ирине, кажется, лет пять назад, и та, наверное, запомнила и передала сыну. А может, он запомнил сам.

Сердце сжалось.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Это... неожиданно.

— Ничего особенного, — он пожал плечами и прошёл на кухню, как будто имел на это полное право. — Так где твой рецепт?

— На столе. Я распечатала.

Она последовала за ним. Кирилл уже стоял у стола и рассматривал лист бумаги с аккуратно записанными ингредиентами и пошаговой инструкцией. Его пальцы, длинные и сильные, пробежали по строчкам. Анна смотрела на эти пальцы и чувствовала, как внутри разливается жар.

— Сложно, — сказал он, чуть склонив голову. — Я думал, там проще. Я обычно просто смешиваю всё в одной миске.

— И поэтому у тебя получаются «камни», — ответила Анна, стараясь улыбнуться. — Ты, наверное, не даёшь тесту отдохнуть.

— Отдохнуть? — он поднял на неё взгляд, и в глазах его мелькнула искорка. — Это как с людьми, да? Нужно дать им время, чтобы они подошли.

Она застыла. Это было слишком прямо. Слишком откровенно даже для его манеры говорить полунамёками.

— Кирилл, — начала она, но он перебил её:

— Слушай, у тебя тут розетка не работает? — он кивнул на стену, где у кухонного фартука стоял её планшет. — Я заметил, когда ты вчера хотела его зарядить. Хочешь, посмотрю?

— Ты умеешь чинить розетки? — удивилась она.

— Я умею многое, — он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у неё подкашивались колени. — Давай. У меня есть время.

И вот тут она должна была сказать «нет». Должна была отдать ему рецепт, поблагодарить за безе и проводить до двери. Но она промолчала. Она просто кивнула и пошла в кладовку за отверткой, оставляя его одного на кухне.

Когда она вернулась, он стоял у стены, рассматривая фотографию на холодильнике — снимок с их совместного отдыха пять лет назад. Ирина, Николай, она, Варвара и Кирилл — на фоне озера. Все улыбаются, все счастливы. Она на том фото была в купальнике, с мокрыми волосами, запрокинув голову назад.

— Ты была такой красивой, — сказал он, не оборачиваясь. — И сейчас ты такая же. Даже красивее.

— Кирилл, прекрати, — в её голосе послышалось отчаяние. — Ты не должен так говорить.

— Почему? — он обернулся. — Это правда. Или мне врать?

Он подошёл к ней и взял из её рук отвёртку. Его пальцы накрыли её ладонь, и она почувствовала, как электрический ток прошёл по всему телу. Это было всего лишь мгновение — секунда, не больше. Но она застыла. Она смотрела в его глаза — тёмные, спокойные, полные уверенности. Он не отводил взгляда. Он смотрел на неё так, как будто видел её насквозь.

— Розетка, — прошептала она, — ты же хотел посмотреть розетку.

— Ах да, — он усмехнулся и отпустил её руку. — Розетка. Конечно.

Он повернулся к стене, присел на корточки и начал аккуратно откручивать панель. Анна стояла за его спиной, чувствуя себя разбитой. Ладонь горела в том месте, где он её коснулся. Она сжала её в кулак и спрятала в карман.

Она смотрела на его спину — широкие плечи, чуть напряжённые мышцы под тканью футболки, изгиб позвоночника, когда он наклонялся вперёд. Он был так близко. Она могла бы протянуть руку и коснуться его волос. Могла бы прижаться щекой к его плечу.

«Это неправильно, неправильно, неправильно», — пульсировало в голове.

— Всё просто, — сказал он, не оборачиваясь. — У тебя здесь провод отошёл. Сейчас я подтяну контакты, и всё заработает.

— Откуда ты так хорошо в этом разбираешься? — спросила она, чтобы заполнить тишину, чтобы не думать о том, как он пахнет.

— Папа научил. Говорил, что мужчина в доме должен уметь делать всё руками, — он усмехнулся. — Ну или хотя бы делать вид, что умеет.

Она невольно улыбнулась. Такой простой, человеческий ответ разрушил её магический страх на секунду. Он снова стал обычным парнем, который чинит розетку, рассказывает про отца.

Но потом он обернулся, всё ещё сидя на корточках, и посмотрел на неё снизу вверх. И в этом взгляде не было ничего «сыновьего».

— Давай проверим, — сказал он, вставив вилку планшета в розетку. Загорелся зелёный огонёк. — Работает.

— Спасибо, — выдохнула Анна.

Он встал, и вдруг они оказались слишком близко друг к другу. Он стоял вплотную, почти касаясь её грудью. Его лицо было в нескольких сантиметрах от её лица. Анна чувствовала его дыхание на своей коже. Она не могла сделать шаг назад — за ней была стена.

— Кирилл, — прошептала она, и голос её предательски дрогнул.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Ты скажешь, что это неправильно. Что я слишком молод. Что я сын твоей подруги. Я знаю все эти слова. Я сам говорю их себе каждую ночь.

Она смотрела на его губы. Он говорил, а она видела только его губы.

— Но я не могу перестать думать о тебе, — продолжил он. — Ты мне снишься. Знаешь, как это бесит?

— Это пройдёт, — сказала она, пытаясь придать голосу твёрдость, но он прозвучал как шепот. — Это просто... наваждение. У тебя ещё вся жизнь впереди. Ты встретишь девушку, ровесницу, которая...

— Я не хочу ровесницу. Я хочу тебя, — перебил он. — Я не знаю, как это объяснить. Мне плевать на возраст. Плевать на то, что скажут люди. Я вижу тебя. Не «тётю Аню», не подругу матери, а тебя. Настоящую. Ты понимаешь?

Анна прикрыла глаза. Она чувствовала, как тает последняя стена. Как воля покидает её тело, оставляя только желание. Желание, которое она подавляла последние двадцать лет.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — прошептала она. — Ты не знаешь, что такое ответственность. Что такое дружба, которая длится двадцать три года. Что значит смотреть в глаза человеку, которого ты предала.

— Я готов за это отвечать, — сказал он. — А ты? Ты готова за это отвечать?

Она открыла глаза и встретила его взгляд. В них не было колебания. Только уверенность и желание. Такое чистое, такое прямое, что ей стало стыдно за свою трусость.

— Уходи, — сказала она. — Пожалуйста. Просто... уходи.

Он не двинулся с места. Он смотрел на неё, и в этом взгляде было сожаление — не о том, что он сделал, а о том, что она не позволяет ему сделать больше.

— Я уйду, — сказал он наконец. — Но я вернусь. Ты знаешь, что я вернусь.

Он шагнул назад, разрывая этот невидимый контакт, и направился к выходу. Анна стояла у стены, не в силах пошевелиться. Она слышала его шаги в прихожей, звук закрывающейся двери.

И только когда за ним захлопнулась дверь, она выдохнула. Села на пол, прислонившись спиной к холодной стене, и прижала ладони к лицу.

«Он вернётся», — пронеслось в голове. — «И я буду его ждать».

Она ненавидела себя за эту правду.

Она просидела на полу почти час, глядя в одну точку. Потом встала, прошла на кухню и открыла коробку с безе. Первая же воздушная половинка растаяла на языке, оставляя приторную сладость. Она ела их одну за другой, как лекарство от пустоты. Но пустота не уходила. Она только росла, заполняя пространство, которое он освободил своим уходом.

Варвара прислала смс: «Мама, я доехала. Тут круто. Целую».

Анна ответила: «Отдыхай, солнышко. Я скучаю».

Она и правда скучала. По дочери, по той жизни, где всё было понятно. Где она знала, кто она такая и чего хочет.

Теперь она не знала ничего. Она смотрела на планшет, висящий на стене, на розетку, которую он починил, и чувствовала, как в груди разрастается горячий ком. Он починил розетку. Он принёс ей безе. Он сказал, что она снится ему.

Сорокадвухлетняя женщина, мать, бизнесвумен — и она дрожит перед двадцатипятилетним мальчишкой, который посмотрел на неё так, как не смотрел ни один мужчина за последние десять лет.

Она включила музыку на планшете, чтобы заглушить тишину, и пошла в душ, надеясь, что холодная вода смоет этот жар.

Но жар остался. И с каждым часом он становился только сильнее.

Глава 4. Материнский запрос

Глава 4. Материнский запрос

Три дня она не отвечала на его сообщения.

Он писал каждое утро: коротко, сдержанно, без эмодзи — как взрослый мужчина, который не унижается до мольбы, но даёт о себе знать. "Доброе утро. Как ты?" — гласило первое. "Сегодня дождь, как в тот вечер" — второе. "Я скучаю. Не отвечай, если не хочешь. Я просто хочу, чтобы ты знала" — третье.

Анна читала их по десять раз, стирала, перечитывала снова. Каждое сообщение было как удар током. Она знала, что должна заблокировать его номер. Что должна сказать Ирине, что её сын слишком настойчив и ей это неприятно. Любой нормальный человек сделал бы так.

Но Анна не была нормальной. Она была женщиной, которая тридцать лет подавляла в себе желания, а теперь они вырывались наружу, как вода из прорванной плотины.

Она работала в кондитерской, как одержимая. Пекла торты, круассаны, эклеры — десятками, сотнями. Руки двигались сами, пока голова была занята другим. Она стала замечать, что клиенты улыбаются ей чаще, мужчины дольше задерживают взгляд на её фигуре, когда она встаёт из-за стола, чтобы подать заказ. Она не понимала, что изменилось, пока однажды не увидела своё отражение в витрине кондитерской.

Она улыбалась. И эта улыбка была не дежурной, не вежливой — настоящей. Живой. В глазах горел огонь, которого не было последние годы.

В тот день она застала себя на том, что поправляет волосы перед стеклом и проводит пальцем по губам, стирая след помады. Она поймала это движение и замерла. Это было движение женщины, которая готовится к свиданию. Которая хочет нравиться.

— Анна Вячеславовна, вы сегодня какая-то сияющая, — заметила её помощница, юная Лена. — У вас всё хорошо?

— Всё замечательно, — ответила Анна, чувствуя, как краснеет.

Она ненавидела эту ложь.

На четвёртый день её телефон зазвонил. На экране высветилось имя: "Ирина". Анна поднесла трубку к уху с таким чувством, будто набирала номер атомной электростанции.

— Привет, подруга! — голос Ирины звенел привычной бодростью. — Ты занята?

— Нет, — ответила Анна, хотя у неё было три заказа на послезавтра. — Что случилось?

— Случилось, — Ирина вздохнула, и в этом вздохе послышалась усталость. — Ты не представляешь, что этот парень вытворяет.

— Какой парень? — сердце Анны пропустило удар.

— Кирилл! Кто же ещё, — Ирина рассмеялась, но смех был нервным. — Он вчера заявил, что хочет купить свою квартиру. Отделиться, понимаешь? Ну, мы с Николаем, конечно, не против, я сама его выгоняю уже год, но он такой... Он не говорит, где хочет жить, не говорит, когда. Просто смотрит объявления и улыбается. Я боюсь, что он опять влюбился в кого-то, а мне не говорит.

Анна прикусила губу. Она слышала этот голос — голос матери, которая волнуется за своего сына. И в этом голосе не было ни капли подозрения. Только любовь и тревога.

— Это нормально, — выдавила Анна. — Он взрослый. Он имеет право на личную жизнь.

— Я знаю, знаю, — Ирина вздохнула. — Просто... Ты же помнишь Марину? Ту, которая была до этого? Она оказалась такой... поверхностной. А он с ней ходил полгода! Я боюсь, что он нарвётся на какую-нибудь аферистку или просто на пустышку, которая разобьёт ему сердце. Он у меня чувствительный, хоть и не показывает этого.

«Он чувствительный», — повторила про себя Анна. — «Он приносит мне безе. Он чинит розетки. Он говорит, что я ему снюсь».

— Ирина, — сказала она, стараясь придать голосу твёрдость, — он сам разберётся. Это его жизнь.

— Ну да, конечно, — голос Ирины стал мягче, почти просящим. — Слушай, у меня к тебе просьба. Большая. Ты же знаешь, что в пятницу мы едем на дачу. Ты едешь с нами, да?

— Я... — Анна замялась. Она уже решила, что не поедет. Что придумает причину. Но Ирина продолжила, не давая ей сказать:

— Я хочу попросить тебя кое о чём. Ты ведь знаешь Кирилла с детства. Ты старше, ты мудрее. Поговори с ним, а? Когда мы будем на даче. Как женщина с мужчиной, только без материнского давления. Спроси, что у него в голове. Может быть, он откроется тебе, а мне не говорит из-за того, что я слишком наседаю.

Анна почувствовала, как земля уходит из-под ног. Ирина просила её поговорить с её сыном. Как женщина с мужчиной. Она не знала, насколько буквально это прозвучит.

— Я... — начала Анна, но Ирина перебила её снова:

— Пожалуйста, Аннушка. Я знаю, что это странно. Но я переживаю. У нас с ним не всегда получается говорить откровенно. А ты... ты всегда умела находить правильные слова. Помнишь, когда он в шестнадцать лет влюбился в ту учительницу? Ты тогда так здорово с ним поговорила. Он потом мне сказал: «Мама, тётя Аня — единственная, кто меня понимает».

Анна закрыла глаза. Она помнила тот разговор. Кириллу было шестнадцать, он страдал от первой сильной влюблённости, и Ирина, отчаявшись, попросила Анну поговорить с ним. Тогда всё было просто. Она была для него старшей подругой, почти тётей. Она объяснила ему, что чувства — это нормально, но что с учителями лучше не связываться. Он слушал её, кивал и потом долго благодарил.

Тогда она не знала, что через десять лет он будет смотреть на неё так же, как на ту учительницу.

— Хорошо, — сказала Анна, и голос её прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я поговорю с ним.

— Спасибо, — выдохнула Ирина. — Ты настоящая подруга. Я знаю, что могу на тебя положиться.

Эти слова упали на сердце Анны, как раскалённые камни. "Ты настоящая подруга". "Я могу на тебя положиться". Ирина доверяла ей — абсолютно, безоговорочно. Она не подозревала, что просит Анну поговорить с собственным сыном о том, что между ними уже происходит.

Когда Ирина повесила трубку, Анна уронила телефон на стол и закрыла лицо руками. Она чувствовала себя предательницей, хотя ещё ничего не сделала. Но мысль о том, что она обманывает лучшую подругу, была невыносима.

И всё же... она не могла перестать думать о пятнице. О даче. О том, что они будут вдвоём — она и Кирилл.

Она посмотрела на экран телефона. Новое сообщение: «Я знаю, что ты хочешь мне ответить. Просто напиши «привет». Я пойму».

Она взяла телефон, подержала его в руке, положила обратно. Потом снова взяла. Её пальцы дрожали, когда она набирала текст:

«Привет».

Ответ пришёл через десять секунд:

«Ты даже не представляешь, что ты только что сделала».

Анна выключила телефон и убрала его в ящик стола. Она не могла больше видеть экран. Не могла читать эти слова. Она и так знала — она только что открыла дверь, которую поклялась закрыть.

Остаток дня она провела в каком-то тумане. Она пекла, улыбалась клиентам, разговаривала с Леной о рецептах, но всё это происходило как будто не с ней. Она была в другом месте — там, где ждал он.

Вечером, когда она закрыла кондитерскую и вернулась домой, пустая квартира встретила её тишиной. Варвара была в лагере. Ирина с Николаем — у себя. Артём звонил раз в неделю и уже не пытался вернуть её.

Она осталась одна. Совсем одна. И в этой пустоте его присутствие стало казаться не угрозой, а спасением.

Анна заварила чай, включила сериал, но не смотрела. Она смотрела в телефон. Он лежал на столе, тёмный, безмолвный. Она знала, что если возьмёт его сейчас и напишет Кириллу, то не сможет остановиться. Она сдастся. Она позволит себе быть слабой.

Она взяла телефон.

«Ты говорил, что хочешь купить квартиру. Почему?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Чтобы иметь своё место. И чтобы ты могла прийти туда без страха, что кто-то увидит».

Анна зажмурилась. Она чувствовала, как сердце бьётся где-то в горле. Каждое его слово было как пощёчина. Как признание в том, что он думает о будущем. О них.

«Это безумие», — написала она.

«Я знаю. Но я хочу этого безумия. Всю жизнь я был правильным. Теперь я хочу быть счастливым».

Она смотрела на экран и не могла найти слов. Не могла сказать "нет". Не могла сказать "да". Она просто сидела в темноте своей кухни, сжимая телефон, и чувствовала, как рушатся все её принципы, один за другим.

«Пятница», — написала она наконец. — «Мы поговорим в пятницу. На даче».

«Я буду ждать».

Она выключила телефон и убрала его в другую комнату. Она знала, что не уснёт. Что будет лежать в постели и перебирать в голове его слова, его голос, его взгляд.

Но она также знала, что это уже не имеет значения. Она уже сделала свой выбор. Она просто боялась признаться в этом даже самой себе.

Пятница приближалась. И с каждым часом Анна чувствовала, как в груди разрастается что-то новое. Что-то опасное. Что-то, что имело имя.

Кирилл.

Она заснула только под утро, когда за окном начало светлеть. И ей приснился сон: они стоят на берегу озера, он держит её за руку, и она не чувствует ни стыда, ни страха. Только ветер и запах воды. Она просыпается от звона будильника и чувствует, что улыбается.

И эта улыбка пугает её больше, чем любой кошмар.

Глава 5. Осколки

Глава 5. Осколки

Она не планировала видеть его до пятницы. Она даже убедила себя, что эти четыре дня — подарок судьбы, время, чтобы прийти в себя, чтобы вспомнить, кто она такая и чего стоит. Анна составила список причин, почему это безумие должно прекратиться: возраст, дружба с Ириной, дочь, репутация, наконец. Она перечитывала этот список каждое утро, как молитву, надеясь, что слова обретут силу и защитят её от самой себя.

Но судьба, видимо, решила посмеяться над её планами.

Это случилось в среду, за два дня до дачи. Анна забежала в торговый центр, чтобы купить подарок для Варвары — она обещала прислать посылку в лагерь с новым купальником и книгой. Она стояла у витрины с детскими вещами, выбирая между розовым и голубым, когда краем глаза заметила знакомый силуэт в кафе на втором этаже.

Она узнала его сразу. По тому, как он сидел — расслабленно, чуть откинувшись на спинку стула, закинув ногу на ногу. По тому, как он держал чашку с кофе — двумя пальцами, слегка наклонив голову, слушая собеседницу.

Она сидела напротив него.

Молодая. Очень молодая. Двадцать, может быть, чуть больше. Светлые волосы, собранные в высокий хвост, открытое платье с цветочным принтом, яркая улыбка, которая адресовалась только ему. Она что-то говорила, жестикулируя, и смеялась. Её смех был звонким, беззаботным, как утренний колокольчик.

Кирилл слушал её с той же полуулыбкой, с которой слушал мать за ужином. Спокойно. Терпеливо. И в этой его манере было что-то интимное, что-то такое, что Анна считала принадлежащим только ей.

Она не могла отвести взгляд. Стояла как вкопанная посреди торгового центра, сжимая в руках два купальника, и смотрела, как он наклоняется к этой девушке, как касается её руки, когда она передаёт ему салфетку. Жест был невесомым, почти случайным, но Анна видела, как он задержал пальцы на её ладони на долю секунды дольше, чем нужно.

Внутри что-то оборвалось. Не ревность — нет, это было слишком сильное слово для того, что она чувствовала. Это было ощущение, что её вышвырнули из его мира, как ненужную вещь. Как будто все те слова, что он писал ей по ночам, все его «ты мне снишься» и «я хочу тебя» были просто игрой, просто способом развлечь себя, пока он ждал настоящую.

Она почувствовала, как ноги становятся ватными. Она сделала шаг назад, потом ещё один, прячась за витрину, чтобы он не увидел её. Она смотрела на них из-за стойки с детской обувью, чувствуя себя шпионкой, чувствуя себя глупой, старой и смешной.

В его жизни были другие женщины. Конечно, были. Он говорил о Марине, он говорил о «скучных» девушках. Он двадцатипятилетний мужчина, привлекательный, успешный — неужели она думала, что он не встречается с другими?

Но вот это — видеть это своими глазами — было слишком.

Анна развернулась и почти побежала к выходу. Она забыла про купальники, забыла про книгу, забыла про всё. Она вылетела из торгового центра на улицу и вдохнула воздух, который казался слишком горячим, слишком густым.

Её руки дрожали. Она оперлась о стену, пытаясь успокоить дыхание.

«Ты идиотка, — сказала она себе. — Ты сама отказывалась от него. Ты сказала «уйди». Ты не отвечала на его сообщения. Ты дала ему полное право искать кого-то ещё».

Но от этого рационального аргумента было не легче. Грудь сдавило, и она поняла, что на глаза наворачиваются слёзы. Слёзы злости. На него. На себя. На ту девушку с цветочным платьем, у которой вся жизнь впереди.

Она заставила себя успокоиться, вытерла глаза тыльной стороной ладони и пошла к парковке. Она сядет в машину, доедет до дома, выпьет чаю и забудет. Она сделает вид, что ничего не видела. Она не поедет на дачу — скажет Ирине, что заболела.

Она почти дошла до машины, когда телефон завибрировал.

Сообщение от Кирилла.

«Ты была в ТЦ? Я видел твою машину на парковке. Ты уехала?»

Анна остановилась. Он заметил её машину. Он знал, что она была рядом. Она смотрела на экран, и все её благие намерения рассыпались, как карточный домик.

«Я была, — написала она. — Я видела тебя с девушкой. Ты занят. Не пиши мне больше».

Она отправила сообщение и выключила телефон. Села в машину, завела двигатель и выехала с парковки. Она вела, не разбирая дороги, и в голове её шумело так, будто внутри включили вентилятор на полную мощность.

Она проехала перекрёсток, остановилась на светофоре. И вдруг увидела его в зеркале заднего вида.

Он бежал.

Кирилл выскочил из ТЦ, оглядывался по сторонам, и его взгляд упал на её машину. Он махнул рукой, но Анна отвернулась. Она не могла смотреть на него. Не могла видеть его запыхавшееся лицо, его взволнованные глаза.

Светофор загорелся зелёным, и она нажала на газ.

Всю дорогу до дома она твердила себе, что это правильное решение. Что она спасла себя от большего унижения. Что она всё правильно сделала.

Но когда она вошла в квартиру, когда закрыла дверь и осталась одна, она поняла, что внутри неё — пустота. Та самая пустота, которую он сумел заполнить. И она вернулась. Холодная, липкая, удушающая.

Она включила чайник, но не стала заваривать чай. Села на кухонный стул и уставилась в одну точку.

Телефон лежал на столе, выключенный. Она знала, что он сейчас пишет ей. Что он пытается дозвониться. Что он, возможно, даже стоит у её подъезда.

Она не могла включить телефон. Она боялась увидеть его слова. Боялась, что они сломают её окончательно.

Через час она сдалась.

Она включила телефон, и экран взорвался уведомлениями. Пятнадцать пропущенных звонков. Двадцать три сообщения.

Первое: «Ты всё неправильно поняла».

Второе: «Она дочь партнёра папы. Мы обсуждали их новый проект. Я даже не знаю её имени толком».

Третье: «Я заметил тебя, как только ты вошла в ТЦ. Я хотел подойти, но ты убежала».

Четвёртое: «Аня, пожалуйста, не делай этого».

Пятое: «Я люблю тебя. Я не шучу. Ты слышишь? Я люблю тебя».

Анна читала эти сообщения, и слёзы текли по её щекам. Она не знала, чему верить. Она хотела верить ему. Она хотела, чтобы всё это было правдой — что он не с другой, что он любит её, что это не игра.

Но страх был сильнее. Страх оказаться обманутой. Страх потерять контроль. Страх перед Ириной.

Последнее сообщение было коротким:

«Я у твоего подъезда. Я буду стоять здесь, пока ты не выйдешь. Или пока не начнётся дождь. Или пока ты не скажешь мне уйти. Но я не уйду, пока не увижу тебя».

Анна подошла к окну и отодвинула занавеску. Он стоял у фонаря, как тогда, в первый вечер. Один. С телефоном в руке, который он сжимал так сильно, что побелели костяшки. Он поднял голову и посмотрел на её окно.

Она отдернула занавеску, но было поздно. Он видел её.

Он поднял руку и помахал ей. В этом жесте не было ни капли неуверенности. Только просьба. Только надежда.

Анна стояла у окна и смотрела на него. Она знала, что должна взять себя в руки. Что должна выйти и сказать ему: «Уходи. Всё кончено. Не приходи больше».

Но она не могла пошевелиться. Она смотрела на его фигуру в свете фонаря, на дождь, который начинал капать с неба, и чувствовала, как стена, которую она так старательно возводила, рушится.

Дождь пошёл сильнее. Он стоял под ним, не укрываясь. Он просто смотрел вверх, на её окно, и ждал.

Анна закрыла глаза. Она знала, что проиграла. Что он победил её молчанием, настойчивостью и этим безумным, нелепым стоянием под дождём.

Она взяла зонт, вышла из квартиры и спустилась вниз.

Когда она открыла дверь подъезда, он стоял в двух шагах. Мокрый, с волосами, прилипшими ко лбу, с глазами, которые смотрели на неё так, будто она была единственным человеком на всей земле.

— Ты дурак, — сказала она, и голос её дрогнул.

— Я знаю, — ответил он. — Но я люблю тебя. И я не могу с этим ничего сделать.

Она шагнула к нему, раскрыла зонт и накрыла их обоих. Он стоял так близко, что она чувствовала его дыхание на своей коже.

— Она просто партнёр по бизнесу, — сказал он. — Ей двадцать два, она невеста моего коллеги. Я не знаю, что ты там увидела, но это был просто разговор.

— Я увидела, как ты касался её руки, — прошептала Анна.

— Я передавал ей салфетку, — он усмехнулся, но в глазах его была боль. — Ты ревнуешь, да? Ты ревнуешь меня. Это значит, что я тебе небезразличен.

— Это значит, что я дура, — она прикрыла глаза. — Я старше тебя. Я подруга твоей матери. Я не имею права ревновать.

— Имеешь, — сказал он, и его рука легла на её талию. — Ты имеешь право на всё. Ты имеешь право на меня.

Анна открыла глаза и посмотрела на него. Дождь барабанил по зонту, вокруг них стоял шум, но она слышала только его голос.

— Ты не можешь стоять под дождём, — сказала она. — Ты заболеешь.

— Я не заболею, — он улыбнулся. — Если ты скажешь, что прощаешь меня. Что ты не уйдёшь.

Она молчала. Она смотрела на его мокрое лицо и чувствовала, как тает последняя стена.

— Иди домой, — сказала она наконец. — Вытрись. Надень сухую одежду.

— А ты?

— Я... я позвоню тебе вечером, — она сделала шаг назад, выходя из-под зонта. — Хорошо?

Он кивнул, и в его глазах зажглась надежда.

— Я буду ждать.

Она развернулась и пошла обратно в подъезд. Когда она закрывала дверь, она увидела, как он всё ещё стоит, смотрит ей вслед и улыбается.

Она поднялась в квартиру, села на пол в прихожей и поняла, что плачет.

Она плакала от облегчения. От страха. От того, что больше не могла врать себе.

Она любила его. И это было самым страшным, что случилось с ней за последние десять лет.

Глава 6. Чужой беды не бывает

Глава 6. Чужой беды не бывает

Она не позвонила ему вечером.

Она не могла. Каждый раз, когда её пальцы тянулись к телефону, внутри поднималась такая волна страха, что она отдёргивала руку, будто обжигалась. Она сидела в темноте гостиной, сжимая в ладонях остывшую чашку, и смотрела на экран, где горело его имя. Она знала, что он ждёт. Знала, что он смотрит на телефон, надеясь увидеть её вызов. Знала — и ничего не могла с этим сделать.

Вместо звонка она написала ему короткое сообщение: «Я не могу сегодня. Прости. Завтра».

Ответ пришёл через минуту: «Я подожду. Я всегда буду ждать».

Она выключила телефон и легла спать, чувствуя себя предательницей. Предательницей его надежд, предательницей своей собственной слабости, предательницей той женщины, которой она была ещё месяц назад.

Ей приснился хаотичный, липкий сон: она стоит на сцене перед полным залом, и все смотрят на неё с осуждением. Среди них — Ирина. Ирина плачет. А за спиной Анны стоит Кирилл и держит её за руку, и она не знает, кому верить — ему или своему стыду.

Она проснулась в холодном поту в шесть утра. Телефон молчал — он сдержал слово и не тревожил её ночью. Но в груди пульсировала тревога, которая не давала дышать.

Анна встала, сварила крепкий кофе и решила, что сегодня будет работать как одержимая. Она закроется в кондитерской, будет месить тесто, украшать торты, думать о ванильных экстрактах и температурных режимах — о чём угодно, только не о нём.

Она почти поверила, что у неё это получится.

В десять утра зазвонил телефон. Имя на экране: «Ирина».

Анна почувствовала, как сердце пропустило удар. Она взяла трубку, заставляя себя улыбнуться, хотя в голосе подруги сразу же услышала что-то странное — надломленное, чужое.

— Аннушка, — голос Ирины дрожал. — Ты можешь приехать? Я... я в больнице.

Анна замерла. Мир вокруг неё сузился до одной точки — до голоса подруги, который звучал так, будто Ирина стояла на краю пропасти.

— Что случилось? — выдохнула Анна, уже снимая фартук и хватая ключи от машины. — Ты где? С тобой всё в порядке?

— Не со мной, — Ирина всхлипнула. — С Николаем. Инфаркт. Скорая приехала ночью, его прооперировали, сейчас он в реанимации. Врачи говорят, что всё будет хорошо, что мы вовремя, но я... Аннушка, я боюсь. Я так боюсь.

— Я еду, — сказала Анна, чувствуя, как внутри включается автоматический режим — тот самый, который всегда спасал её в кризисных ситуациях. — Дай мне адрес. Я буду через двадцать минут.

Она записала адрес, выбежала из кондитерской, крикнув Лене, что она уезжает по срочному делу, и села в машину. Всю дорогу она думала об Ирине. О том, как та сидит сейчас одна в коридоре больницы, сжимая руки, глядя на закрытую дверь, за которой её муж борется за жизнь. Она думала о том, что эта женщина — её лучшая подруга, её сестра по духу, и что она, Анна, готова отдать всё, чтобы Ирина сейчас не страдала.

И одновременно с этим — в самой глубине, на том уровне, где прячутся самые постыдные мысли — она чувствовала облегчение. Потому что это отвлекало её от собственного ада. Потому что чужая боль была понятнее, чем её собственная путаница.

Она вошла в больничный холл и увидела Ирину сразу. Та сидела на жёстком пластиковом стуле, ссутулившись, сжимая в руках бумажный стаканчик с кофе, который, судя по всему,

давно остыл. Она была без макияжа, в домашнем халате под курткой — выскочила из дома, не успев переодеться.

— Ирина, — Анна подбежала к ней и присела на корточки, обнимая подругу за плечи. — Я здесь. Я рядом. Расскажи мне всё.

Ирина подняла на неё заплаканные глаза и улыбнулась — такой слабой, такой детской улыбкой, что у Анны сжалось сердце.

— Он вчера вернулся с работы поздно, — начала Ирина, и голос её срывался. — Мы поругались из-за ерунды. Из-за того, что он опять не выключил свет в гараже. Я накричала на него. А он сказал, что устал, и лёг спать. Ночью я услышала странный звук. Он задыхался. Он держался за грудь, и лицо было белым... белее простыни. Я побежала к соседям, вызвала скорую... Аннушка, я думала, он умрёт. Я думала, что последнее, что я сказала ему, — это крик о свете в гараже.

Анна обняла Ирину крепче, чувствуя, как та вздрагивает в её руках.

— Он не умрёт, — сказала она твёрдо, хотя внутри у неё всё дрожало. — Врачи сказали, что операция прошла успешно. Он сильный. Он справится. А ты — держись. Я с тобой.

Они сидели так несколько минут, пока Ирина не успокоилась. Потом Анна сбегала в буфет, принесла горячий чай и бутерброды, которые Ирина, конечно, не стала есть. Она просто держала их в руках, как будто это был единственный якорь, удерживающий её в реальности.

— Кирилл знает? — спросила Анна.

— Я позвонила ему в пять утра, — Ирина покачала головой. — Он приехал сразу. Сейчас он у врачей, пытается узнать подробности. Мне сказали ждать здесь. Я не могу... я не могу войти туда, Аннушка. Я боюсь увидеть его в трубках и проводах.

— Это нормально, — Анна погладила её по спине. — Ты имеешь право бояться.

В этот момент в холл вошёл Кирилл.

Анна увидела его, и внутри неё всё перевернулось. Он был бледен, под глазами залегли тени, волосы были взлохмачены так, будто он не спал всю ночь и постоянно проводил рукой по голове. На нём была та же футболка, что и в прошлый раз — только она выглядела помятой, небрежной.

Он подошёл к матери, присел перед ней на корточки и взял её руки в свои.

— Всё хорошо, мам, — сказал он, и голос его был мягким, успокаивающим. — Ему сделали шунтирование, всё прошло без осложнений. Завтра его переведут в обычную палату. Он будет жить.

Ирина снова заплакала — на этот раз от облегчения. Она наклонилась и обняла сына, прижимая его к себе, как маленького. Анна смотрела на них и чувствовала, как в груди разливается странное тепло. Он был хорошим сыном. Он был заботливым, нежным. Он был тем, кого она боялась любить.

Ирина отстранилась, вытерла слёзы и улыбнулась Анне.

— Ты не представляешь, как я рада, что ты здесь, — сказала она. — Я бы не пережила это одна.

— Теперь всё будет хорошо, — ответила Анна, стараясь не смотреть на Кирилла.

Но он смотрел на неё. И в этом взгляде было столько благодарности, столько тепла, что Анна почувствовала, как у неё перехватывает дыхание. Он молчал, но его глаза говорили за него. «Ты пришла. Ты здесь. Спасибо».

Ирина вздохнула, поправила халат и посмотрела на сына:

— Кирюш, мне нужно домой, переодеться, взять его вещи. Ты останешься здесь? Если что-то изменится, сразу звони.

— Конечно, — кивнул он.

Ирина повернулась к Анне:

— Ты можешь отвезти меня? У меня машина осталась на работе, я вчера на такси приехала.

— Конечно, — Анна кивнула, радуясь возможности уйти, чтобы перевести дух.

Они с Ириной вышли из больницы. Анна вела машину, слушая, как подруга говорит о том, как они с Николаем жили последние годы, как он много работал, мало отдыхал, как она корила себя за то, что не заставляла его ходить к врачам. Анна кивала, вставляла правильные слова, но мысли её были там — в больничном холле, где остался Кирилл.

Когда они подъехали к дому Ирины, та вдруг остановилась у подъезда и обернулась к Анне:

— Аннушка, я хочу тебя попросить об одолжении. Знаю, что это наглость, но мне больше не к кому обратиться.

— Говори, — Анна напряглась.

— Завтра у Николая день рождения, — сказала Ирина, и в голосе её послышалась смесь сожаления и твёрдости. — Я не хочу, чтобы он лежал в больнице без подарка. Я хочу, чтобы он знал, что мы его любим, что мы ждём его. Я планировала купить ему те часы, которые он хотел. В том магазине на Невском, он их видел полгода назад и всё мечтал. Но я не могу сейчас... я не могу думать о покупках, я должна собрать его вещи, забрать документы из дома, подготовить всё к его возвращению...

— Я куплю, — сказала Анна, и в тот же миг поняла, что допустила ошибку. — Я куплю часы. Просто скажи мне, какие именно.

— Ты уверена? — Ирина смотрела на неё с благодарностью. — Аннушка, я тебя отвлекаю от работы, от всего...

— Мы — подруги, — сказала Анна, чувствуя, как эти слова обжигают ей горло. — Ты бы сделала то же самое для меня.

Ирина благодарно сжала её руку и вышла из машины. Анна смотрела, как она заходит в подъезд, и чувствовала, что только что подписала себе приговор. Она знала, что Ирина не сможет пойти в магазин. И она знала, что Ирина попросит кого-то, кто знает вкус Николая.

А кто знает вкус Николая лучше, чем его собственный сын?

Телефон завибрировал в тот же момент, когда Анна включила зажигание. Сообщение от Кирилла:

«Мама сказала, что ты купишь папе часы. Я могу завтра съездить с тобой. Я знаю, какие именно он хотел».

Анна смотрела на экран и понимала, что её загнали в угол. Она не могла отказаться — это было бы подозрительно. Она не могла согласиться — это было бы самоубийством.

«Хорошо, — написала она. — Завтра в два. Я заеду за тобой к больнице».

«Я буду ждать», — ответил он.

Она отбросила телефон на пассажирское сиденье и сжала руль так сильно, что побелели костяшки. Она едет в магазин с сыном своей лучшей подруги. Она покупает подарок для мужа своей лучшей подруги. И она боится, что не сможет смотреть на Кирилла без того, чтобы не выдать себя.

Она ненавидела себя за то, что в этой ситуации, где речь шла о жизни и смерти её друга, она думала о себе. О том, что он будет стоять рядом, что она почувствует его запах, что он случайно коснётся её руки.

Но она не могла остановиться. Она уже не могла контролировать свои мысли. И это было страшнее всего.

Она завела машину и поехала домой, понимая, что завтрашний день станет новой точкой отсчёта. Той точкой, после которой уже не будет пути назад.

Она заснула только под утро, но сон её был чутким, тревожным. Ей снился Кирилл. Он стоял на больничной лестнице и звал её. Она шла к нему, но между ними появлялась стеклянная стена, и она била по ней руками, но стекло не поддавалось.

Она проснулась с чувством, что кто-то сжал ей горло. И поняла, что этот человек — она сама.

Глава 7. Выбор

Глава 7. Выбор

Она приехала к больнице ровно в два. Ни минутой раньше, ни минутой позже — она специально рассчитала время так, чтобы не ждать его и чтобы он не ждал её. Она хотела, чтобы всё было деловым, быстрым, формальным. Она даже надела строгий костюм — тёмно-синий пиджак и брюки, которые обычно носила на переговоры с поставщиками. Волосы она собрала в тугой пучок, чтобы не было соблазна поправлять их. Никаких украшений, кроме обручального кольца, которое она так и не сняла после развода. Оно стало её щитом, её напоминанием о том, кто она есть.

Кирилл вышел из больничных дверей через пять минут. Он был в тёмной рубашке с закатанными рукавами, джинсах и лёгких кедах — выглядел просто, но так, что Анна почувствовала, как её броня трескается. Он сел на пассажирское сиденье, пристегнулся и посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Привет, — сказал он. — Спасибо, что согласилась. Мама очень благодарна.

— Я делаю это для неё, — ответила Анна, не глядя на него. — И для Николая. Только для них.

— Я знаю, — он не обиделся. — Поехали.

Она тронулась с места, и они молчали всю дорогу до торгового центра. Анна включила радио, чтобы заглушить тишину, и смотрела на дорогу с преувеличенным вниманием, как будто вела впервые в жизни. Она чувствовала его взгляд на своём профиле, но не оборачивалась.

В торговом центре былолюдно — субботний день, семьи с детьми, пары, держащиеся за руки. Анна шла чуть впереди, быстро, деловито, показывая, что у неё нет времени на прогулки. Кирилл шёл рядом, чуть сзади, и она чувствовала его присутствие как тёплое пятно на спине.

— Ты знаешь, где этот магазин? — спросила она, не оборачиваясь.

— На втором этаже, у эскалатора, — ответил он. — Я узнавал.

Они поднялись на второй этаж, и Анна увидела витрину с часами. Она остановилась, разглядывая ассортимент, и услышала, как Кирилл подошёл ближе, почти вплотную.

— Он хотел вот эти, — он указал на хронограф с тёмным циферблатом и кожаным ремешком. — Серебристый корпус, синий акцент на секундной стрелке. Я запомнил, потому что он мне тогда рассказал, что такие носил его отец.

Анна подошла к витрине и наклонилась, разглядывая часы. Они действительно были красивыми — строгими, мужскими, с характером. Она представила Николая, который носит их на запястье, и улыбнулась. Это было правильно.

— Давай возьмём, — сказала она и обернулась к продавцу.

Но Кирилл остановил её, положив руку на её запястье.

— Подожди. Ты уверена, что это его размер? У него запястье шире, чем кажется. Надо спросить консультанта, может быть, ремешок регулируется.

Его пальцы сжали её руку на секунду дольше, чем было необходимо. Анна отёрнула руку, как будто обожглась, и почувствовала, как краска заливает лицо.

— Ты прав, — сказала она слишком резко. — Иди, спроси.

Он усмехнулся и пошёл к продавцу, а Анна осталась стоять у витрины, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Она сжала руку в кулак, пытаясь стереть ощущение его пальцев на своей коже.

Когда он вернулся, он был с консультантом — молодым парнем с аккуратной укладкой и заученной улыбкой. Они обсудили размер, комплектацию и сроки гарантии. Анна стояла в стороне, делая вид, что рассматривает другие часы, но краем глаза следила за Кириллом. Он

говорил о часах так уверенно, так по-взрослому, что она снова почувствовала себя маленькой на его фоне.

— Мы берём, — сказал Кирилл, повернувшись к ней. — Ты оплачиваешь, или я?

— Я, — сказала Анна, подходя к кассе. — Я обещала Ирине.

Она достала карту, расплатилась, взяла чек и упакованные часы. Всё это время Кирилл стоял рядом, никуда не отходя. Когда она получила пакет, он протянул руку:

— Давай я понесу.

— Я сама, — отрезала она, но он уже взял пакет из её рук, накрыв её пальцы своими.

— Ты слишком напряжена, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал. — Ты вся сжатая, как пружина. Я хочу, чтобы ты расслабилась.

Анна вырвала пакет из его рук и отошла на шаг.

— Ты не имеешь права говорить мне, что я должна делать, — прошипела она, чувствуя, как злость закипает внутри. — Ты — сын моей подруги. Ты даже не представляешь, насколько это неправильно.

Он посмотрел на неё с улыбкой, которая была одновременно доброй и провокационной.

— Я знаю, что это неправильно. Но я также знаю, что ты думаешь обо мне каждую ночь. Ты не спишь, потому что я у тебя в голове. Ты ревновала меня к той девушке в кафе. Ты злишься на себя, потому что хочешь меня. Скажи, что это неправда.

Анна замерла. Она смотрела на него, и все её слова застряли в горле. Как он мог так точно знать все её мысли? Как он мог читать её, как открытую книгу?

— Ты ничего не знаешь, — сказала она, и голос её дрогнул.

— Я знаю, что ты боишься, — он сделал шаг к ней, сокращая расстояние. — Я знаю, что ты привыкла быть сильной. Но ты можешь быть слабой со мной. Ты можешь позволить себе быть просто женщиной.

Анна закрыла глаза. Она чувствовала, как её броня осыпается, как корка льда трескается под напором его слов. Она хотела убежать, хотела ударить его, хотела, чтобы он замолчал. Но она ничего не могла сделать. Она стояла, как вкопанная, слушая его голос, и чувствовала, как внутри всё переворачивается.

— Я купила часы, — сказала она наконец, открывая глаза. — Мне нужно отвезти их Ирине. Прощай.

Она развернулась и почти побежала к выходу. Она слышала, как он идёт за ней, но не оборачивалась. Она вышла из торгового центра, вдохнула свежий воздух и поняла, что плачет. Слёзы текли по щекам, и она не могла их остановить.

Она села в машину, завела двигатель и выехала с парковки. Только когда она отъехала на несколько кварталов, она заметила, что Кирилл остался у торгового центра. Он стоял и смотрел ей вслед, и в его взгляде не было злости или обиды. Только спокойная уверенность.

Она ехала, не разбирая дороги, и думала о том, что больше не может так жить. Что каждый раз, когда она видит его, она теряет контроль. Что она становится той, кого ненавидит — слабой, уязвимой, зависимой.

Ирина позвонила, когда Анна уже подъезжала к её дому.

— Ты купила часы? — голос Ирины был взволнованным, но в нём уже была надежда.

— Да, — сказала Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я сейчас у твоего подъезда. Выходи.

Ирина выбежала через минуту, обняла Анну и заглянула в пакет.

— Они идеальны, — сказала она, сжимая коробку. — Ты даже не представляешь, как я тебе благодарна. Кирилл уже позвонил, сказал, что вы выбрали их вместе. Он сказал, что ты была просто замечательной.

Анна улыбнулась — натянуто, через силу.

— Я рада, что смогла помочь.

— Ты не просто помогла, — Ирина взяла её за руку. — Ты — моя опора. Я не знаю, что бы я делала без тебя.

Анна почувствовала, как эти слова пронзают её насквозь. Она стояла и улыбалась, а внутри всё рушилось. Она думала о том, что Ирина не знает, что её сын почти признался ей в любви час назад. Что она, Анна, стоит на пороге предательства.

Она обняла подругу и сказала:

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Она ненавидела себя за эту ложь. Но она не могла сказать правду. Не сейчас. Не после того, как Николай чуть не умер. Не сейчас, когда Ирина так нуждалась в ней.

Она села в машину и уехала.

Домой она приехала в полной темноте. Она сняла костюм, надела старую футболку и села на кровать, сжимая телефон в руках. Она смотрела на его имя в списке контактов и чувствовала, как внутри нарастает болезненное желание написать ему.

Она не выдержала.

«Ты меня сломал», — написала она.

Ответ пришёл через минуту:

«Я тебя не сломал. Я тебя освободил».

Она заплакала. Она плакала от отчаяния, от гнева, от той невыносимой правды, которая была в его словах. Он освободил её. Он дал ей почувствовать себя живой.

Она не спала всю ночь. Она смотрела в потолок, слушая, как ветер гуляет за окном, и думала о том, что в пятницу они едут на дачу. И что она не знает, как сможет смотреть на него, не падая.

Она не знала, что уже не смотрит — она тонет.

Глава 8. Предел

Глава 8. Предел

Она проснулась оттого, что телефон вибрировал на тумбочке. Резкий звук врезался в утренний полумрак, и Анна, не открывая глаз, нащарила пальцами холодный корпус, поднесла к уху, чувствуя, как голова раскалывается от бессонной ночи.

— Аллю?

— Аннушка, это я, — голос Ирины звучал взволнованно, но в нём уже не было вчерашней паники. — Ты можешь меня выручить? Я только что звонила в больницу, Николая сегодня переводят в палату, но им нужны его анализы из поликлиники, а я не могу уехать — жду курьера с документами по страховке. Я попросила Кирилла съездить, но он сказал, что его машина в сервисе. Может, ты подвезёшь его до поликлиники, а потом до больницы? Это недалеко, я знаю, что я тебя загружаю...

Анна закрыла глаза. Она знала, что может отказаться. Могла сказать, что у неё много работы, что она не выспалась, что ей нужно быть в кондитерской. Она могла придумать тысячу причин, чтобы не видеть его сегодня.

Но она услышала свой голос, который сказал:

— Хорошо, Ирина. Я подвезу.

— Ты ангел, — выдохнула Ирина. — Я сейчас скину адрес поликлиники и время. Он будет ждать тебя у дома через час. Спасибо, спасибо, спасибо.

Анна положила трубку и уставилась в потолок. Сердце колотилось где-то в горле. Она знала, что это ловушка — не Ирины, конечно, та ничего не подозревала, а судьбы. Или её собственной слабости.

Она встала, приняла душ, надела джинсы и ту же белую футболку, в которой была в их первую встречу. Ей почему-то хотелось быть в этой футболке. Она не стала задумываться, почему.

Кирилл ждал у подъезда, когда она подъехала. Он стоял с маленьким рюкзаком на плече, в серой футболке и тёмных джинсах. Без той дерзкой уверенности, которая была в торговом центре — сейчас он выглядел просто уставшим парнем, который не спал ночь из-за отцовской болезни.

Он сел на пассажирское сиденье, пристегнулся и повернул к ней голову.

— Спасибо, что согласилась, — сказал он тихо. — Мама очень переживает.

— Я знаю, — ответила Анна, трогаясь с места. — Дай адрес.

Он продиктовал адрес поликлиники, и они поехали в молчании. Анна смотрела на дорогу и чувствовала, как тишина между ними становится всё тяжелее, как воздух в машине сгущается, становится липким и тёплым.

— Ты вчера плакала, — сказал он внезапно.

Она вздрогнула. Откуда он знал?

— Ты не ответила на моё сообщение, — продолжил он, не глядя на неё. — Я понял, что ты плакала. У тебя глаза были красные, когда ты уезжала из торгового центра. Я видел.

— Это не твоё дело, — ответила она, сжимая руль.

— Это моё дело, — он повернулся к ней. — Ты плакала из-за меня. Из-за того, что я сказал тебе правду.

Анна резко нажала на тормоз, когда светофор переключился на красный. Машина дёрнулась, и Кирилл упёрся рукой в переднюю панель.

— Хватит, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Ты не имеешь права лезть в мою голову. Ты не имеешь права говорить мне, что я чувствую. Ты — сын моей подруги. Ты мог бы быть моим сыном!

— Но я не твой сын, — его голос был спокойным, слишком спокойным. — Я никогда не был твоим сыном. Я был для тебя чужим мальчиком, которого ты видела раз в год. Ты не меняла мне подгузники, ты не водила меня в школу. Мы не родственники. Мы вообще никто друг другу, кроме двух людей, которые случайно встретились.

— Я знала тебя с детства, — голос Анны дрожал. — Я помню, как ты учился ходить. Как ты упал и разбил коленку, и я пластырь тебе клеила. Ты не можешь это стереть.

— Я могу, — сказал он тихо. — Потому что это ничего не значит. То, что я был маленьким, не имеет отношения к тому, кто я сейчас. Ты смотришь на меня и видишь того мальчика. А я хочу, чтобы ты увидела мужчину.

Светофор загорелся зелёным, но Анна не тронулась. Она сидела, сжимая руль, и смотрела перед собой.

— Ты не понимаешь, — прошептала она. — Если я позволю себе это... если я хотя бы на секунду перестану сопротивляться... я разрушу всё. Дружбу с Ириной. Доверие, которое она мне даёт. Я потеряю её. Я потеряю себя.

— А что ты сохранишь, если продолжишь сопротивляться? — спросил он. — Пустоту? Одиночество? Ты будешь жить как робот, делать то, что должна, и умереть внутри, так и не поняв, что такое быть счастливой.

Она резко повернулась к нему. В глазах её горела злость — злость на него, на себя, на эту ситуацию.

— Ты не знаешь, что такое счастье, — сказала она яростно. — Ты двадцатипятилетний мальчишка, который думает, что любовь — это когда хочется. Когда тебе двадцать пять, ты можешь рисковать. А мне сорок два. У меня дочь, у меня бизнес, у меня репутация. Я не могу просто взять и рухнуть в твои объятия, потому что мне хочется. Мир так не работает.

Он смотрел на неё, и в глазах его не было обиды. Только грусть.

— А если я скажу тебе, что я не хочу рушить твою жизнь? — спросил он. — Что я хочу стать её частью? Что я готов ждать, сколько нужно? Что я не требую от тебя решений сегодня, завтра, через год. Я просто прошу тебя перестать меня отталкивать.

Анна отвернулась и выжала педаль газа. Машина рванула с места, и она вела быстро, почти агрессивно, вжимаясь в сиденье. Кирилл молчал. Он не пытался её успокоить, не пытался коснуться её руки. Он просто сидел рядом и смотрел на дорогу.

Они доехали до поликлиники, и он вышел из машины.

— Я быстро, — сказал он, закрывая дверь.

Он ушёл, а Анна осталась сидеть в машине, чувствуя, как внутри неё кипит буря. Она смотрела на его уходящую спину и думала о том, что он не дал ей ни одного аргумента, чтобы продолжать сопротивляться. Он был прав в каждом слове. И это было самым страшным.

Он вернулся через пятнадцать минут с папкой в руках и сел в машину.

— Всё, — сказал он. — Теперь в больницу.

Она кивнула и поехала. Молча. Всю дорогу они молчали. Она чувствовала, что если откроет рот, то сорвётся. Заплачет. Или ударит его. Или сделает что-то, о чём потом пожалеет.

Они доехали до больницы, и Анна остановилась у входа.

— Всё, — сказала она, не глядя на него. — Приехали.

— Да, — он не торопился выходить. — Спасибо.

— Пожалуйста.

Тишина. Он сидел и смотрел на неё, а она смотрела на стекло перед собой.

— Ты знаешь, — сказал он, — я не хочу, чтобы ты выбирала между мной и мамой. Я хочу, чтобы ты выбрала себя. Потому что если ты выберешь себя, ты сможешь выбрать и меня. И не потому, что я эгоист. А потому, что я вижу, как ты страдаешь, когда пытаешься быть той, кем не являешься.

Он вышел из машины и закрыл дверь. Она смотрела, как он идёт к входу в больницу, как его плечи расправлены, как он не оборачивается.

И когда он скрылся за дверями, Анна ударила кулаком по рулю. Один раз. Второй. Она ударила так сильно, что руки заболели. Из глаз потекли слёзы — злые, беспомощные слёзы.

— Почему ты не можешь быть просто мальчиком? — прошептала она. — Почему ты должен быть таким?

Она не могла ответить на этот вопрос. Она знала только одно: если завтра, на даче, она снова увидит его, она не выдержит. Она сдастся. Она сделает то, что обещала себе никогда не делать.

И тогда всё рухнет. Дружба. Доверие. Всё.

Но она также знала, что уже рухнуло. Что она уже сдалась — в тот самый момент, когда впервые увидела его в дверях своей квартиры.

Она завела машину и поехала домой. Завтра была пятница. Завтра была дача.

Завтра была точка невозврата.

Она зашла в квартиру, и телефон снова завибрировал. Сообщение от Кирилла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.